

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ
ИСТОРИЯ
КРЕПОСТНОГО
МАЛЬЧИКА

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

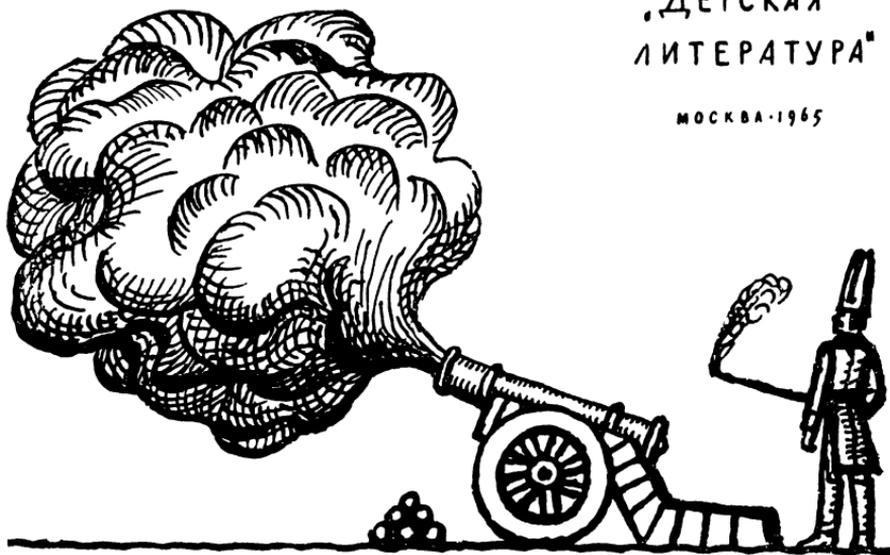
ИСТОРИЯ
КРЕПОСТНОГО
МАЛЬЧИКА

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

МОСКВА-1965

«Сколько сто́ит мальчик?» — «Какой нелепый во-прос! — скажете вы. — Разве мальчики продаются?! Раз-ве можно торговать людьми!»

А ведь было такое время. И не так уж давно. Всего лишь сто лет назад. Вы, наверное, догадываетесь, о ка-ком времени идёт речь. Оно называлось крепостным правом.

О крепостном праве читатели узна́ют из этой книги. Вы познакомитесь с Митей Мышкиным — мальчиком, которого продали, — с его удивительной, необычной судьбой. Вместе с ним вы побываете у барыни Мавры Ермолаевны, попадёте к графу Гущину, познакомитесь с девочкой Дашей, поедете на войну... Впрочем, не бу-дем забегать вперёд. Ведь обо всём вы узна́ете из са-мой книги.

Написал её писатель Сергей Алексеев.

Прежде чем стать писателем, Сергей Алексеев не-сколько лет проработал лётчиком, затем был педаго-гом, редактором. В настоящее время С. Алексеев не только писатель, но и историк. Те из вас, кто занимался или занимается в четвёртом классе, наверное, помнят учебник истории СССР.

Этот учебник написан С. П. Алексеевым вместе с учёным-историком В. Г. Карцовым.

Рисунки Ю. Соостера

БАРЫНЯ МАВРА ЕРМОЛАЕВНА

РОДНОЕ СЕЛО

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой — был старинный парк и усадьба господ Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шёл лес. Тёмный-тёмный... Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанке десять лет, и с ним ничего не случилось.

И вдруг...

Как сейчас, помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девка Маланья, закричала:

— Аксинья, Аксинья, барыня Кузьму кличут!

Собрался отец, ушёл. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерел. Отозвал Кузьма Аксинью за дверь и стал о чём-то шептаться. Митька приложил ухо к двери. Только о чём говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как заплакала мать, как заголосила на разные лады, понял: случилось недоброе.

— Тять, тять! — приставал Митька к отцу. — Скажи, что такое, а тять?

Только отец стал какой-то недобрый, всё отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

— Митяй, а вас продают! — закричали ребята. — И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька вначале и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплохо.

ПРОДАЛИ

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики.

И всё разумно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы... А рядом со скотным и ещё один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие — те, кто ведёт торг. Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы взглядом, заставляют открывать рот — зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

На базар в Чудово привезли и закопанских мужиков. Сгрудились они в одну кучу, стоят, как овцы. Смотрит Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону — мать и отец, по другую — кривой Савва.

— Ты чуть что — реви, — поучает Савва Митьку. — Баре, они ох как слёз не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке нет надобности. Продаёт закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

— Сегодня покупателей нет, — сказал Савва. — Мужик, к осени он не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять; ждёт, когда повезут назад в Закопанку.

Да только под самый конец базара появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шёл мужик. Борода нечёсаная, рожа заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по людскому ряду раз, прошла два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу ожил.

— Добрая баба! — заговорил, показывая на Митькину мать. — И мужик при ней. Баба смиренная, работающая.

А барыня только на Митьку смотрит и ничего не говорит.

— Добрая баба... — опять начинает Грыжа.

— Но, но! — прикрикнула барыня. — Ты мне зубы не заговаривай. Мальчишкой интересуемся.

Замялся староста, умолк: неудобно как-то мальчика одного продавать.

А барыня снова:

— Ты что, язык проглотил? Сколько мальчишка, спрашиваю?

Замер Митька, ждёт, что скажет Грыжа. А кривой Савва Митьку в бок: мол, пора, пускай слёзы. Взвыл Митька, как под ножом, — даже Грыжа вздрогнул. А барыня хоть бы что. Подошла, Митькины руки пощупала, в рот заглянула, за ухо подёргала.

— Так сколько? — снова спросила Грыжу.

Помялся староста, а потом решил: хоть какая, да прибыль, — проговорил:

— Пять рублей.

— Что? Да ты где такие цены, бесстыжий, выискал! Два с полтиной.

— Четыре, — скинул Грыжа.

— Три, — набавила барыня.

Однако Грыжа упёрся. Ушла барыня. Кривой Савва толкнул Митьку; тот смолк, вытер слёзы и даже улыбнулся. Но барыня не отступилась. Походила, потолкалась по рядам, вернулась снова. Стала около Митьки.

— Ест много? — спросила Грыжу.

— Ест? — переспросил староста. — Да не, чего ему много есть. Мало ест, больше пьёт воду.

— Так какой он мужик, раз ест мало, — сказала барыня.

Понял Грыжа, что дал маху, стал выкручиваться:

— Так это он зимой ест мало, когда работы нет. А летом — у-у, что птенец, прожорлив!

Барыня снова ощупала Митьку, осмотрела со всех сторон, сказала:

— Три. Красная цена ему три.

За три рубля и отдали Митьку.

Взял нечёсанный мужик, что был с барыней, мальчика за руку, дёрнул. А Аксинья, Митькина мать, как заголосит, как бросится к сыну.

— Дитяtko моё! — запричитала. — Ох, люди добрые, сил моих нет... — Прижала к себе Митьку. — Не пущу, — кричит, — не отдам!

Подбежал Грыжа, оттолкнул Аксинью. А бородастый мужик обхватил Митьку, приподнял, словно куль, взвалил на плечи.

— Ой, ой! — взвыла Аксинья и вдруг смирилась; обмякла, осела и рухнула на землю.

Забился Митька, как карась на уде, заколотил по спине нечёсаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Впереди, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скоморохи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню...

КАК ЖИЛИ

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И был у неё всего один дом, десятина земли да две души крепостных — кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С неё и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на взгорке, у реки, в самый притык к полям графа Гущина.

Дом у барыни был малый — в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник. И ещё во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор берёзка, и висел на берёзке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в ночном халате на крыльцо, кричала:

— Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила по утрам сбитень, потом ходила по подворью. Смотрела, как Архип коня чистит и солому у коровы меняет, как Варвара на

кухне возится. Затем Мавра Ермолаевна шла в гусятник. Любила барыня гусей кормить.

— Гусеньки мои, гусеньки! — выводила она старческим голосом.

После обеда барыня почивала. Вставала к ужину. Проверяла, подоила ли Варвара корову. Снова пила сбитень, раскладывала карты и часов в восемь ложилась спать. И так изо дня в день.

Только в субботу день был необычный. После обеда Архип топил баню. Мылись все вместе. Вслед за баней начиналось главное — барыня порола своих крепостных. Летом — прямо на улице, зимой — в сенцах господского дома. Архип приносил широкую скамью, Варвара размачивала в солёной воде розги. Когда завела барыня такой порядок, Архип и Варвара не помнили. Давно это было. Привыкли.

Первым били Архипа. Он неуклюже спускал с себя портки, задира л рубашу и ложился. Рядом становилась Варвара и подавала барыне розги. «Раз, — отсчитывала Мавра Ермолаевна, — два, три...» Двадцать ударов получал Архип. Затем ложилась Варвара, а розги подавал Архип. Варваре как бабе полагалось десять ударов. Потом Архип убирал скамью, а Варвара вешала сушить розги.

После порки Архип запрягал мерина. И все ехали в церковь, к вечерне, молиться. Архип поёрзывал распухшим задом по сиденью и всё норовил пристать.

— Садись! — прикрикивала на него барыня. — Садись! Чай, не по лицу била. Нежности большой на том месте нет.

А после церкви ложились спать.

Так и жили из года в год у помещицы Мавры Ермолаевны. Скучно жили.

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме. Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

-- Дядя Архип, а зачем розги?

— Пороть.

— Кого пороть? — удивился Митька.

— Кого? Вестимо кого: нас пороть, — ответил Архип.

— Так за что, дядя Архип?!

— Как — за что? — Архип посмотрел на Митьку, погладил свою кудлатую бороду, сказал: — Для порядку. Ну, чтоб помнили своё место, чтобы барыню уважали... А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смотрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

— И меня бить будут?

— Ну, а чего бы тебя не бить? — отвечает Архип. — И тебя пороть будут. С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало вдруг мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полез в следующую субботу Архип за розгами, а их нет. Бросился туда, бросился сюда — нет, словно и не было.

Накинулась барыня на Архипа:

— За добром, ротозей, углядеть не можешь!

— Да тут они были, — оправдывается Архип и показывает на стену. — Они уж какой год тут висят, — и разводит руками.

Архип, Варвара, барыня — все розги ищут. Нет розог.

Тогда Мавра Ермолаевна позвала Митьку.

— Брал розги? — спрашивает.

— Нет, — говорит Митька. А сам чувствует, что краснеет.

— Врёшь! — говорит барыня. — Брал. По лицу вижу, что брал.

А Митька всё больше краснеет. Краснеет, но молчит. Решает: не отдам, и всё.

Так и не нашли розог. А спрятал их Митька под барынину перину. Ну, а кому могло прийти в голову такое!

Варвару и Архипа в этот день не пороли. А Митьке досталось. Надавала барыня ему тумаков и посадила в гусятник до той поры, пока не сознается.

ГУСИ

Страшно Митьке в гусятнике. Сидит, замер, не шелохнётся. И гуси спокойно лежат на своих местах, словно бы Митьку не замечают.

Но вдруг гуси ожили. Вытянул гусак шею, зашипел: «Ш-ш, ш-ш!» За ним зашипели и остальные. Испугался Митька, поднялся. Тогда и гусак поднялся. А за гусакom, как по команде, всё стадо. С испугу мальчик бросился к двери, забарабанил

что было сил кулаком.

А в это время на улице как раз барыня была — уезжала в церковь. Подошла барыня к двери, спрашивает:

— Одумался?

Не признаётся Митька, только колотит в дверь и кричит:

— Пустите! Ой, боюсь! Пустите! Ой, боюсь...

— А где розги спрятал? — спрашивает барыня.

Молчит Митька.

— Раз так, — сказала Мавра Ермолаевна, — пусть гуси тебя съедят.

Села барыня в телегу и уехала. Стучит Митька в дверь. Никто не отзывается. Никого дома нет.

А гуси растопырили крылья, вытянули шеи и подходят к Митьке всё ближе и ближе...

— Кыш! — закричал Митька.

Гуси даже внимания не обращают.

— Кыш, кыш! Вот я вас! — отбивается мальчик, а у самого зуб на зуб не попадает.

А гуси в ответ шипят и тянут к нему свои страшные клювы.

Схватил тогда Митька палку и ударил по жожаку, да с такой силой, что перебил шею. Подпрыгнул гусак, перевернулся и сдох. И сразу гуси умолкли.

Перепугался Митька ещё больше. Потом успокоился, прилёг и заснул. И приснился Митьке сон, что он дома. Отец что-то стругает, мать пряжу крутит. Дома тепло, хорошо. Сидит на печи кот Васька, одним глазом на Митьку смотрит и как бы говорит: «А гуси, они ведь не страшные». Подходит Митька к коту, хочет погладить. Смотрит, а это вовсе не кот, а барыня Мавра Ермолаевна. Вскрикивает Митька, просыпается, а перед ним и впрямь стоит барыня, розги в руках держит.

Нашлись всё же розги! Приехала Мавра Ермолаевна из церкви, легла спать, а ей в бок что-то колет. Сунула руку под перину — розги!

Била Митьку барыня тут же, прямо в гусятнике.

А утром стала Мавра Ермолаевна гусей кормить и нашла своего любимого гусака мёртвым. И снова пороли Митьку. На этот раз долго и больно.

ВАЛЕНКИ

Первые дни жил Митька с Архипом и Варварой в каморке при баньке. А потом взяла барыня мальчика к себе в дом. Стал Митька у неё в услужении.

Целый день барыня Митьку то туда, то сюда... Только и слышится:

- Митька, в погреб сбегай!
- Митька, половик стряхни!
- Митька, где ты? Ми-и-тька!

А вечером ляжет барыня спать и заставляет чесать себе пятки. Чешет Митька, чешет, пальцы устанут, а Мавра Ермолаевна всё не засыпает.

Наконец заснёт. Свернётся и Митька, как щенок, калачиком. Только закроет глаза, слышит:

— Митька, воды подай!

— Митька, туфли найди!

И так до утра.

Или у барыни бессонница начнётся. И опять Митьке не спать. Требуется барыня, чтобы Митька ей разные истории рассказывал. Уж он ей и про королевича Бову расскажет, и про серого волка, и про господ Воротынских, и даже про старосту Степана Грыжу. А барыня — давай ещё и ещё.

Днём-то барыня отоспится, а Митьке опять дело. Заставит Мавра Ермолаевна его пшено перебирать или горох растирать. Сидит Митька, глаза слипаются, спать хочется, но трёт горох, перебирает пшено.

А как-то легла барыня после обеда и заставила Митьку сушить валенки.

— Да смотри, — говорит, — не спи! Валенки, они новые, далеко в печь не засовывай.

Сидел, сидел Митька возле валенок и вдруг заснул. Проснулся оттого, что горелым запахло. Сунулся в печь, а от валенок одни верха остались. От горелого проснулась и барыня.

— Митька! — закричала. — Митька, чего горелым пахнет!

Прибежала Мавра Ермолаевна, смотрит — у Митьки в руках одни верха от валенок.

И снова Митьку били. Всыпала ему барыня розог и приговаривала:

— Тебе что, ночи мало? Тебе ещё и днём спать, паршивец, ненасытная твоя душа!

И стало Митьке невмочь. Забьётся куда-нибудь, плачет. Родную Закопанку, отца, мать, кота Ваську вспомнит. Тяжело Митьке...

Решил он бежать из господского дома. Стал потихоньку на дорогу собирать сухари. Прятал их в коровнике, под стойлом. Потом стал дорогу выспрашивать. Делал это осторожно. Заговорил вначале с Архипом.

— Дядя Архип, а Чудово отседова, видать, далеко-далеко? — спросил Митька.

— Далеко, — ответил Архип. Потом почесал свою кудлатую бороду, подумал и ещё раз сказал: — Далеко-о!

— А наше село Закопанка ещё дальше? — опять спросил Митька.

Снова почесал Архип свою бороду, снова подумал и ответил:

— Должно быть, дальше.

Больше от него Митька ничего не узнал. Тогда он решил поговорить с Варварой.

— Село Чудово? — переспросила она. — Есть такое село. Только далёко ли оно, не ведаю. Я дале трёх вёрст отсель не бывала. Ты спросил бы у Архипа — он человек знающий.

Понял Митька, что и от Варвары проку не будет, решил выведать про дорогу у самой Мавры Ермолаевны. Выждал Митька, когда барыня была в добром настроении, и спросил:

— Барыня, а куда та дорога, что мимо усадьбы лугом идёт?

— На мельницу, — сказала барыня.

— А та, что через мост, на тот берег реки?

Но барыня не ответила. Отвлекли Мавру Ермолаевну какие-то дела. Ушла.

Через несколько дней Митька опять к ней с тем же вопросом.

Посмотрела Мавра Ермолаевна на Митьку, потом взяла за ухо и спросила:

— Дорога? А зачем тебе знать дорогу?

Митька растерялся.

— Так я так, барыня... — начал Митька.

— Я те дам «так»! — перебила Мавра Ермолаевна. — Ты у меня смотри, опять розог захотел?.. Архип, Архип! — позвала. — Дай-ка розгу, я покажу, какая дорога куда ведёт.

А через несколько дней барыня, зайдя в коровник, нашла Митькины сухари. Подивилась барыня, а потом поняла.

И снова в этот день Митьку били. Отлѣживался он в баньке, стонал и всё выговаривал:

— Убегу... убегу...

Присаживалась к нему Варвара, по голове гладила.

— Ить, родненький, — говорила, — и куда ты отсель побежишь? Дороги отсель тебе нету.

ДАША

ГРАФ ГУЩИН

Чтобы попасть в поместье графа Гущина, надо было из села Чудова ехать три версты полем, а потом ещё десять лесом. А когда кончался лес и дорога выходила к реке, то, проехав мосток, надо было обогнуть усадьбу помещицы Мавры Ермолаевны, взять направо и ехать ещё две версты по старинному парку, по липовой, ровной, как стрела, аллее.

И вот только тогда вырастал из-за деревьев большой господский дом с шестью белыми колоннами, флигелями, барскими конюшнями, псарней и прочими дворовыми постройками. Это и было новгородское поместье графа Алексея Ильича Гущина — Барабиха. А кругом Барабихи, не охватишь глазом, лежали графские земли. И лес, что стеной стоял на горизонте, был графский. И луг, что зелёным ковром тянулся вдоль берега реки, графский. И сёла, что раскинулись кругом, словно жуки расплзлись, были графские. И люди, что жили в этих сёлах, — тоже графские. Двадцать тысяч душ крепостных имел граф

Гущин. Да и имение у Гущина не одно. Были графские земли ещё под Смоленском и под Орлом, а в Питере, на Невском проспекте, стоял высокий, с каменными львами при входе, дом Гущина. Здесь-то и жил сам граф. А в Барабиху навещался всего раз в год. Приезжал осенью или зимой. Жил несколько дней и опять уезжал в Питер.

Всё остальное время старшим в Барабихе был управляющий Франц Иванович Нейман. Лет десять назад, будучи послом в Пруссии, граф Гущин привёз тамошнего кучера Франца Неймана с собой в Россию. Нейман был расторопен, услужлив. Граф подумал и назначил немца своим управляющим.

Вместе с графом съезжалось в Барабиху человек до тридцати разных господ. Устраивались развлечения. Каждый год новые. То охоту на медведей придумают, да ещё так, чтобы обязательно живых изловить. То кулачные бои меж мужиками, да так, чтобы непременно кого-нибудь насмерть. То санные катания. А вместо лошадей впрягут в розвальни молодых парней и девок и наперегонки заставляют бегать. Потом призы вручают тому, кто пришёл первым. Только призы давали не тем, кто вёз, а тем, кто сидел в розвальнях и погонял.

А тут сообщил граф своему управляющему, что приедет на Новый год. И к приезду нужно организовать театр. Граф писал, что артистов пришлёт из Питера. А управляющему наказывал, чтобы он набрал из местных мужиков и баб людей, склонных к пению и играм на инструментах, и чтобы к его приезду был в имении свой хор и оркестр. Однако о театре и о музыке немец имел понятие малое.

То-то задал граф Гущин задачу своему управляющему!

Говорила Варвара, что не уйти Митьке от Мавры Ермолаевны. А получилось иначе. Только не так, как он сам думал.

По весне, как только появилась на лугу трава, барыня приставила Митьку к новому делу — пасти гусей.

Сделал Архип Митьке дудку. «Это, — сказал, — для каждого пастуха вещь первейшая». Варвара сшила торбу для хлеба, напутствовала: «Только смотри далеко от гусей не отходи. И упаси боже, чтоб в графские хлеба не зашли! Не ровен час, увидит сам Франца Иваныч, уж тогда тебе будет».

А про немца Митька уже слышал, и не раз, и всё недоброе.

«Этот Франца, — говорил Архип, — скупее свет не видывал. Он лошадям и то корм сам отсыпает».

«Немец-то антихрист, — шептала Варвара. — В церковь не ходит, постов не блюдет».

И чуть что, так пугала Митьку:

«Вот барыня продаст немцу — будешь знать!»

Пасти гусей Митьке нравилось. Угонит их лугом подальше от дома, развалится на траве. Гуси ходят, траву щиплют, а Митька на дудке играет. И так наловчился, что Архип только головой качал: «Ить и здорово это у тебя получается!»

И вот однажды — дело уже летом было — угнал Митька гусей лугом почти до гущинского парка. Сел на бережку, заиграл на дудке и не заметил, как гуси зашли в графские овсы.

А в это время с горки от графского имения спуускался на дрожках управляющий Франц Иванович и увидел гусей и Митьку.

— О майн гот!¹ — воскликнул немец, повернул лошадь и съехал на луг.

Вылез из дрожек, стал к Митьке красться. Переступил раз, два... и вдруг замер.

А Митьку ровно кто дёрнул. Обернулся — немец! Дудка сама из рук вон. А тут ещё увидел гусей в овсах и совсем оробел. Вскочил — бежать!

— Стой, стой! — закричал немец. — О, ты есть музыкант!

Отбежал Митька в безопасное место, остановился. Взглянул — немец ничего такого дурного не говорит, а в сторону гусей даже не смотрит.

— Иди сюда! — манит немец. — Я есть не злой человек.

Поколебался Митька, потом подошёл, однако встал так, чтобы чуть что — сразу бежать.

— О, ты есть музыкант! — снова сказал управляющий. — Ты чей есть? — спросил.

— Барыни Мавры Ермолаевны.

¹ О боже! (нем.)

— Гут, — протянул немец. — Зер гут¹.

Потом нагнулся, поднял с земли дудку, покрутил в руке, усмехнулся. Порылся управляющий в кармане, достал кусок сахара, сунул Митьке; сел на коня и уехал.

Посмотрел Митька на сахар, хотел сгрызть, а потом спрятал в карман. Решил: как убежит — матери принесёт гостинец. А про себя подумал: «Говорили — немец злой. Вовсе он и не злой».

НЕМОЙ

Долго торговался немец с Маврой Ермолаевной. Наконец выменял Митьку на два мешка овса и старую графскую перину. Перина и решила всё дело. Уж больно хотелось барыне поспать на графском пуховике!

Привёл немец Митьку в небольшую избу, сказал: «Здесь есть твой дом». Глянули на мальчика четыре женских глаза — два молодых, недобрых, два подслеповатых, старых, от которых повеяло теплом. Изба, куда привёл управляющий Митьку, стояла тут же, на господском дворе. Жили в ней дворовая девка Палашка и тётка Агафья — барская повариха.

Вначале Митька всего боялся, а больше всего девки Палашки. Уже в первый вечер, когда ложились спать, Палашка стала кричать:

— И кой чёрт этого кутёнка сюда сунули!

Хорошо, заступилась тётка Агафья.

— Тише! — крикнула она на Палашку. — Чай, не своей волей.

¹ Очень хорошо (нем.).

И погладила Митьку по голове.

— Не бойсь, — приговаривала, — не бойсь, со-
колик!

А потом, когда Митька познакомился с дворовым мальчишкой Тимкой Гловым, то узнал, что от девки Палашки никому прохода нет. «Она немцу про всех доносит», — говорил Тимка.

Тимка рассказал Митьке и про другие дела, про то, что немец горькую пить любит. А как напьётся, всех бьёт и по-чёрному ругается. Рассказал Тимка и про ночного сторожа, деда Ерошку. Митька ещё в первую ночь слышал, как кто-то всё около их окон в колотушку бил. Это и был дед Ерошка. «Он трус, — говорил Тимка. — Всю ночь крутится возле вашей избы — это чтоб Палашка знала, что он не спит».

Тимка был старше Митьки и ростом выше, и в плечах шире. Ходил все эти дни Митька за Тимкой, как телок за маткой, и во всём слушался.

А ещё Тимка рассказал про господскую псарню и про негого, что за псами ходил. Тимка водил

Митьку смотреть на негого. Глянул Митька — и мороз по коже прошёл. Зарос человек, как медведь, а ноздри — нет ноздрей, одни клочья болтаются.

— Что это? — спросил Митька.

— Разбойник, — ответил Тимка. — Вот ему ноздри и выдрали.

— Эй, немой! — крикнул Тимка и кинул в заросшего человека камнем.

Тот выбежал из псарни, неуклюже взмахнул руками, что-то замычал и бросился к ребятам. Тимка — раз! — и убежал. А Митька не успел. Подскочил немой к нему, схватил за грудки, притянул к себе, к заросшему лицу с драными ноздрями.

— А-а! — закричал Митька.

А немой ничего не сделал; отпустил Митьку и ушёл.

Всю ночь после этого немой мальчику снился. Вскрикивал во сне Митька. Просыпалась Палашка, тыкала в бок.

— Цыц, поганец! — кричала. — Сила нечистая чтоб тебя забрала!

Артисты приехали

Хоть и пил немец, а хозяин был дельный. Вот и с оркестром. Менее чем через месяц собрал немец и оркестр, и певцов разыскал. В Чудово на базар ездил, в соседние поместья заглядывал, графские деревни исколесил — и набрал. А вскоре приехал из Новгорода оркестрант и стал вести занятия. И Митька ходил учиться.

К осени, как и обещал граф, прибыли в Барабиху артисты.

Встречать прибывших высыпала вся дворня.

— Глядь, штаны-то какие, штаны! — кричал дед Ерошка и показывал на клетчатые, узкие, внизу со штрипками штаны высокого мужчины, ловко выпрыгнувшего из телеги.

— Юбка-то, юбка-то! И как в таких юбках ходят? — хохотала девка Палашка и тыкала пальцем в сторону молодой девушки.

Та смущённо улыбалась и прятала лицо в голубой шарфик.

Вместе со всеми встречать приехавших пришёл и Митька. Стоял он рядом с Тимкой и, чтобы лучше разглядеть, по-гусиному вытягивал шею. И вдруг Митька увидел девочку. Была она совсем маленькая, зябко куталась в старенькое пальтишко, из-под которого выглядывала полосатая юбочка. На голове — Митька никак понять не мог — ни платок, ни шаль. Никогда Митька такого наряда не видывал. Девочка внимательно смотрела на встречающих и держалась за руку высокого, в штанах со штрипками.

Девочка Митьке понравилась. После этого Митька всё ходил около барского флигелёчка, где разместили артистов, — надеялся встретить. Да ему не везло. В первый день прогнала девка Палашка. На второй Митька чуть не попался на глаза самому немцу.

И всё же Митька девочку подкараулил. Припрятался как-то в кустах, а когда та проходила, выскочил. Выскочил да и сам испугался.

— Ты что? — спросила девочка.

А у Митьки язык словно дома остался.

— Ты что? — повторила девочка. — Как тебя звать?

— Митька я, Мышкин.

— А я Даша, — сказала девочка.

И Митьке от этого сразу стало как-то легко. Осмелел он и выпалил:

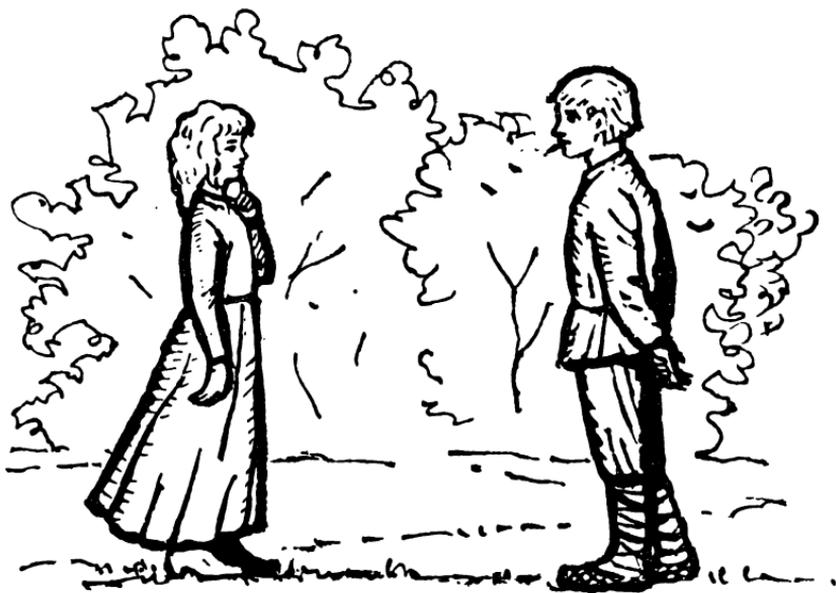
— А я тебя ещё в первый день заприметил, ты в шали была!

— Да какая это шаль! — засмеялась Даша. — Это шляпка называется.

Митька смутился. Однако Даша улыбнулась. И мальчик опять ободрился.

— А хочешь, я тебе поместье покажу? — спросил он.

— Хочу, — ответила Даша.

Митька ходил, словно летал на крыльях. Сводил Дашу на конный двор, подвёл к псарне, показал, где господские амбары, а потом повёл в парк и всю дорогу про жизнь в имении рассказывал. И про деда Ерошку, и про Палашку, и про немца.

— А ещё, — зашептал Митька, — у нас немой есть. Федька. Он разбойник. Ему ноздри выдрали.

Даша слушала внимательно, и Митьке было приятно.

— А этот высокий — он кто тебе, папаня? — спросил Митька, когда они возвращались домой.

— Нет, — ответила Даша. — Это Роланд.

— Кто? — переспросил Митька.

— Рыцарь Роланд, — повторила Даша. — Это роль у него такая.

— А мамка и папка у тебя тоже артисты? — спросил Митька.

— Да, — ответила Даша. — Только их продали князю Трегубову.

— Как — продали? — удивился Митька.

— Взяли да и продали, — ответила Даша. — Крепостные мы — вот и продали.

У Митьки от удивления даже рот приоткрылся.

— Как так: артисты — и крепостные? — усомнился он.

— Конечно, крепостные, — ответила Даша.

— Все крепостные? — переспросил Митька.

— Да.

— И тот, что штаны в клетку?

— Да.

А Митька всё смотрел на Дашу и не верил: артисты — и вдруг крепостные!

УШЕЛ

Жил Митька на новом месте, а всё о своём думал — бежать. И снова стал собирать сухари на дорогу. Только поступал теперь умно: прятал сухари далеко, на конном дворе, в старой соломе.

А как-то сидел Митька с Дашей на обрыве реки и рассказал про свой план. И про сухари рассказал.

— Вот здорово! — воскликнула Даша. — А куда ты побежишь, Митя? — спросила.

— В Закопанку, домой, — ответил мальчик.

Сказал в тот день Митька, что убежит, а потом пожалел. Прошла вдруг у Митьки охота бежать. Назначил один срок — не ушёл. Назначил другой — не ушёл тоже.

А однажды Даша его спрашивает:

— Ты что ж, передумал?

Митька покраснел, надулся и ничего не ответил. А сам решил: «Уйду, в эту же ночь уйду!»

Дождлся Митька вечера, лёг на лежанку, а сам, чтобы не заснуть, с боку на бок переворачивается.

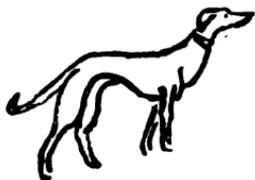
— Ты что, поганец, не спишь? — крикнула девка Палашка.

Затих Митька. Выждал, пока Палашка захрапела, полежал ещё немного, потом соскользнул тихонько с лежанки, на цыпочках подошёл к двери, приоткрыл её так, чтобы та не скрипнула, вышел в сени, схватил армяк — и на улицу.

Думал Митька, что девка Палашка спит. А она притворялась. Заметила Палашка за Митькой последние дни странное, вот и стала приглядывать.

Только Митька за дверь, Палашка поднялась и тоже вышла. Митька побежал к конному двору. Палашка — за ним. Подходит, смотрит — мальчик что-то разгребает и мешок вытаскивает. Сухари это были. Только Митька мешок под мышку, а Палашка его за руку — хватать! От неожиданности Митька вскрикнул, выронил мешок. Дёрнул было руку, но Палашка держит крепко. Забился Митька в руках Палашки, а потом изловчился и ухватил Палашку за руку зубами. Взвизгнула девка, выпустила Митьку. А он за сухари, через забор, мимо конного двора, за плетень — и в лес.

Ушёл Митька.

Подняла Палашка крик, бросилась к управляющему.

— Франца Иваныч! — будит. — Франца Иваныч!

Встрепенулся немец.

— Вас ист ес? ¹ — забормотал на своём языке.

— Митька бежал! — тараторит девка Палашка.

— Какой Митька? — не может взять в толк немец.

— Ну, Митька, тот, что на дудке играет, что у бабыни Мавры Ермолаевны вы за перину выменять изволили.

— Так что есть Митька? — опять спрашивает немец.

— Утёк, говорю, мальчишка.

А в это время Митька был уже далеко от усадьбы графа Гущина. Пересек вброд ручей и шёл лесом. Отбежал версты три, когда вдруг услышал собачий лай. Вначале Митька решил, что это в соседней деревне. Потом лай стал слышнее, потом всё ближе и ближе... Побледнел Митька: погоня! Побежал быстрее, не выбирая дороги, прямо через кусты. Хлещут ветки, ударяют Митьку в лицо, хватают за руки... Бежит Митька, тяжело дышит. «Загрызут, загрызут!» — бьётся тревожная мысль. И вдруг словно кто подсказал! Бросился Митька к дереву. В темноте не разглядел — попалась сосна. Поцарапал руки, больно, но лезет. Пролез метра два. А в это время псы подбежали к дереву и пронеслись мимо. Собачий лай ушёл куда-то в сторону. Митька облегчённо вздохнул. Лай перекинулся на другое место. Потом псы заскулили, забегали по кустам — то там, то тут... И вдруг повер-

¹ Что такое? (нем.)

нули назад, остановились у дерева, подняли страшный вой и заскребли о кору. От страха Митька полез выше. И вдруг — хрусть — обломился сучок! Митька хватъ за другой — и тот хрусть!

— А-а-а! — заголосил Митька и полетел вниз, прямо на собачьи спины.

Взвизгнули от неожиданности псы, разлетелись брызгами в стороны. А потом опять в кучу.

Лежит Митька, закрыл глаза; ждёт, когда псы вцепятся. А псы подбежали, истошно над самой головой лают, брызжут слюной, но не трогают.

Приоткрыл Митька один глаз, потом второй; приподнял голову, смотрит — а перед ним Федька — драные ноздри!

Замычал Фёдор на псов, ударил одного арапником, — те приумолкли.

Встал Митька, а самому, оттого что немой здесь, ещё страшнее.

Фёдор ему показывает: мол, пошли. А Митька словно окаменел, с места не может сдвинуться. Подтолкнул немой Митьку; пошёл тот, от страха еле ноги передвигает, повернуть голову назад не решается.

Шли назад окружной дорогой, часа два. Митька шёл и всё думал: что-то теперь будет! И не так боялся Митька порки, и даже Фёдора не так уж боялся, но стыдно было Даши. «Ну, скажет, и убежать не смог!»

Думал Митька, что его поведут к немцу. Оказывается, нет.

Привёл Фёдор Митьку на псарню, отвёл в свой закуток, расстелил рядом, показал: мол, ложись — и дал краюху хлеба.

Ушёл куда-то Фёдор. А Митька лежит, понять не может. Чего это его Фёдор сюда привёл, и чего они окружным путём шли, и чего это немой ему краюху сунул? Лежит Митька, уснуть не может.

ВОТ ТЫ ГДЕ!

— Вот те Карла всыплет! — кричала девка Палашка на Фёдора. — Мало тебе ноздри пообрывали, бока ещё пообломают!

А Фёдор только мычал и что-то руками показывал.

— Не догнал, Франца Иваныч, — докладывала утром Палашка немцу. — Утёк поганец. Немой-то ни с чем вернулся.

Пошумел, пошумел немец и плюнул. Пригрозил всыпать и Палашке и Фёдору. Тем дело и кончилось.

К утру Митька сообразил: не хочет Фёдор его выдавать немцу. Живёт Митька на псарне день, живёт два. Фёдор еду ему приносит. Вечером присядет, по голове потреплет.

Постепенно стал Митька привыкать к немому. А всё-таки как-то боязно... Вспомнит, как дразнили Фёдора, и самому неловко.

Дней через пять повёл с самого утра Фёдор собак прогуливать. Остался на псарне Митька один. Скучно стало в Фёдоровой каморке, вышел в сарай, где стояли собачьи клетки: решил размяться. Побегал Митька из угла в угол, верхом на пруту покатался. Только хотел опять в каморку вернуться, вдруг входит на псарню Франц Иванович, а за ним девка Палашка. А Митьке и податься некуда. Юркнул было за собачью клетку, но Палашка как закричит:

— Вон он, ирод, вон!

Подбежала Палашка к Митьке, схватила за шиворот, вытащила на середину сарая.

— А-а... — протянул немец. — Вот ты где!

— Тут, тут! — тараторила девка Палашка. — Я же говорила, Франца Иваныч, что немой наврал. Неспроста немой с кухни-то похлёбку воровал. Я-то заметила. Ить, думаю, и зачем это он?

Пытался Митька вырваться, да где уж! Крикнул немец дворовых — связали Митьку. А через час, когда вернулся Фёдор, скрутили и Фёдора.

Пороли виновных тут же, на псарне. Били арапниками. Фёдора — двое взрослых мужиков, Митьку — Палашка.

— Ирод, — кричала Палашка, — вот тебе, будешь знать, как честных людей обманывать! — и во всю си-

лу врезала тяжёлым арапником по худым Митькиным плечам.

Митька только ёжился и вздрагивал.

— Не кричишь? — приговаривала Палашка. — Я те заставлю кричать!

Митька стиснул зубы и молчал. Никто не заметил, как он потерял сознание.

А ОН ВОВСЕ НЕ СТРАШНЫЙ

Двое суток Митька не приходил в себя. А когда открыл глаза, не мог понять, где он и что произошло. Смотрит, рядом на корточках сидит девочка. Признал Митя — Даша, улыбнулся. Улыбнулась и Даша.

— Митя, — сказала, — жив?

— У-у, — промычал Митька.

— А мы-то уж думали... — Даша не договорила.

Посидела Даша, ушла. А потом пришла тётка Агафья.

— Ну, жив, соколик? — спросила. — А твоя-то Даша тут совсем исплакалась. «Это, говорит, всё я! Я его не отговорила». Дни и ночи возле тебя сидела. Спать не ложилась. Ахтёрка, а девка славная.

Поправлялся Митька медленно. Фёдор давно уже встал, опять с псами возится, а Митька всё лежит. И ходят к нему то Даша, то тётка Агафья, то обе разом. И Фёдор, чуть свободная минута, здесь же рядом, что-то мычит и на руках показывает. Только что, Митька понять не может, а чувствует — что-то доброе немой сказать хочет.

А как-то пришла тётка Агафья, и Митька — к ней.

— Тётка Агафья, — говорит, — а дядя Фёдор, он вовсе и не страшный.

— Не страшный, не страшный, соколик! — отвечает тётка Агафья. — А чего ему быть страшным? Ты слушай его: он, Митька, человек добрый, таких ещё поискать нужно.

— А чего он немой? — спрашивает Митька. — И ноздри чего у него драные? Разбойник он? Он человека убил?

— Что ты, что ты, бог с тобой! — замахала руками тётка Агафья. — Какой он разбойник! Все бы такими были! — Потом наклонилась к Митьке и зашептала: — Ты про мужицкого царя слыхал?

— Про Емельку Пугачёва? — спросил Митька. — Которому руки и ноги рубили?

— Какой он тебе Емелька! — повысила голос тётка Агафья. — Емелиан Иванович он! — И снова зашептала: — Фёдор-то был у Пугачёва своим человеком. А как разбили Пугачёва, схватили и Фёдора. Пытали, а потом разодрали ноздри и язык отрезали. Вот без малого пятнадцать лет такой он и есть. Ты его люби, Митя, — он человек хороший, — уходя, ещё раз сказала тётка Агафья.

А когда вечером пришёл Фёдор и присел на лжанку, Митька доверчиво улыбнулся, уткнулся ему в живот лицом, как, бывало, к матери, и стал гладить рукой по спине. И Фёдор своей шершавой рукой Митьку гладил. И сидели они так молча весь вечер...

Около месяца пролежал Митька. И все эти дни Даша бегала на псарню. Приносила поесть, новости рассказывала. А вечером садились они с Фёдором к Митьке на лавку. Смотрел Митька на Фёдора, смотрел на Дашу, и было ему так хорошо, как в родной Закопанке.

Поднялся Митька, когда уже снег выпал. Укрыл снег по-хозяйски господский дом, и псарню, и лес, и все поля, что вокруг виднелись. Вышел Митька на улицу, сощурил глаза от яркого снега, попрыгал с ноги на ногу, вздохнул полной грудью.

И снова жизнь пошла своим чередом. Только уж не ходил Митька больше в оркестр играть: поотстал за время болезни. Обошлись без него. Приставили пока Митьку к тётке Агафье на кухню — помои вытаскивать.

Нравилась Митьке эта зима. Хоть и мороз пошаливал и ветрено было, а Митька словно и не замечал. Чуть свободная минута, бежит к Даше. Позовёт Тимка Глотов Митьку с собой играть, а он: мол, не могу, занят, тётка Агафья не отпускает. А сам — к Даше. И бродят, ходят они по господскому парку, как тогда первый раз осенью.

И Митьке хорошо. В парке никого нет. Только прыгают с ветки на ветку белки. Много развелось их в парке, и стали они словно ручные. «Цок, цок», — щёлкают еловые шишки, только шелуха летит вниз. Сидят белки, щёлкают орешки, на Митьку с Дашей поглядывают. Подмигнёт Митька белкам, свистнет — те врассыпную.

А как-то ушли Митька и Даша далеко-далеко. Шли, взявшись за руки, тащили за собой санки — надумали с гор кататься.

Шли, а потом Митька сказал:

— Садись, Даша.

Даша села. Митька вёз санки, и было ему совсем не тяжело. Митьке было радостно, и снег весело скрипел под ногами — хрусть, хрусть!

А потом они съезжали с гор. Даша крепко держалась за Митьку и вскрикивала от страха. Санки подпрыгивали на буграх, и тогда сыпучими хлопьями взлетал из-под полозьев снег. А внизу санки переворачивались, ребята летели в пушистый сугроб и весело смеялись. Потом отряхивались и снова бежали на гору.

И вдруг Даша остановила Митьку, сказала:

— Митя, не хочу я... Не надо больше так. Не заходи больше ко мне.

Митька оторопел.

— Задразнили меня, Митя. Невестой зовут. И немец ругается, говорит: «Играть на театре тебя купили, а не для других дел». Не заходи, боюсь я...

Митька ничего не ответил. Шли домой молча. И Митя уже не вёз Дашу, а шли они рядом и вместе тащили санки, санки казались тяжёлыми, ноги отяжелели, и снег хрустел уже вовсе не радостно, а зло и скрипуче, словно отругивался.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Обиделся в тот день Митька. Не забежал больше к Даше и старался на улице не встречать. И флигелёк актёрский обходил стороной. Словно вовсе и не было Даши.

А время шло и шло. И чем ближе к Новому году, тем быстрее, будто кто подгонял палкой. Артисты кончали последние приготовления, и вот наступил день генеральной репетиции.

Ещё как-то раньше Даша говорила:

«Митя, как будет репетиция, ты приходи, обязательно приходи! Прoberись в залу, там ещё дверь

с резной ручкой, и встань у окна за занавеску. Только смотри стой тихо, виду не подавай!»

И вот Митька вспомнил эти слова. Вспомнил — и вдруг захотелось взглянуть на Дашу, да так, как и раньше никогда не хотелось.

«Пойду», — решил Митька.

Пробрался он в графский дом, прошёл в залу, спрятался за штору; стоит, замер. Прошёл час, а может быть, и два. У Митьки уже ноги отекают стали. Зашевелился, высунул голову, осмотрелся. Зал большой, длинный. В конце зала во всю ширь — занавес. А на стенках и справа и слева висят портреты. Смотрят из золочёных рам на Митьку какие-то старухи, старики в орденах и лентах, и какая-то дамочка с тростью в руках тоже смотрит.

Неприятно стало Митьке, спрятал опять голову. Но в это время за стеной слышались шорохи. Потом с шумом отворилась дверь. Глянул Митька: в зал вошёл управляющий. Сел в кресло, хлопнул в ладоши, и занавес тотчас открылся.

И сразу на сцену высыпали артисты. Они двигались, говорили, пели. Пестрели цветные наряды — у Митьки даже в глазах зарябило. И вдруг выбежала девочка. Она ударила ножкой о ножку, присела, поклонилась в зал и закружилась. Митька не отрывал глаз. Потом занавес закрылся. Но через несколько минут он открылся снова. Теперь Даша была в костюме мальчика. Она ходила за какой-то важной дамой и придерживала одной рукой подол её длинного платья. В другой у Даши была шляпа с пером. В такт музыке Даша приседала и широко размахивала шляпой. Митька стоял как зачарованный.

Когда занавес открылся в третий раз, Даша была в наряде бабочки. Она носилась по сцене и легко подпрыгивала. А за ней бегал молодой принц и пытался

поймать. Вот он почти настигал Дашу, и тогда у Митьки замирало сердце. Но Даша ловко выскальзывала и убегала. Митька облегчённо вздыхал. Наконец человек в костюме принца всё же схватил Дашу за крыло. Лёгкое крылышко обвисло. Даша бежала теперь как-то боком, волоча ногу. Митька чуть не вскрикнул. Но вот Даша выпрямилась, широко раскинула руки и вновь закружилась. Митька успокоился. И вдруг Даша упала. Митька вначале не понял, нарочно или в самом деле. И лишь по тому, как поднялся немец, как заругался на своём языке и полез на сцену, понял: не нарочно. Девочка встала, попыталась опять закружиться и снова упала. А немец уже поднялся на сцену и, держа в руке палку, шёл к Даше. Девочка съёжилась, замерла.

Немец подошёл к Даше, занёс палку. И вдруг:

— Не бей! Не бей!

Митька сорвался со своего места и нёсся к сцене. Он стал между немцем и Дашей:

— Не бей! Не бей!

И оттого, что появился вдруг Митька, Даша испугалась ещё больше. Но немец уже забыл про девочку. Он потянулся к Митьке. Тогда Даша вцепилась в Митькину руку и повлекла его за собой к выходной двери — прямо на улицу. Они бежали, сами не зная куда, Митька и Даша-бабочка, в лёгком тюлевом наряде. А на улице трещал мороз и дул пронизывающий декабрьский ветер.

И вдруг Митька остановился.

— Даша! — окликнул он. — Даша!

А девочку трясло — то ли от холода, то ли от испуга. Митька обнял её, худенькую, бледную, взял на руки, приподнял. Даша не противилась. Она обхватила его руками и вдруг заплакала. Заплакала тихо, про себя, как, бывало, Аксинья, Митькина мать, плакала.

А на улице бегали артисты, дворня, и на псарне истошно завывали собаки. Когда появился Митька с Дашей на руках, все расступились. Митька подошёл к актёрскому флигелёчку. Толкнул дверь, переступил порог и положил Дашу на кровать.

Даша открыла глаза. Посмотрела на Митьку и вдруг сказала то, от чего у Митьки даже дыхание спёрло:

— Митя, ты хороший! Ты смелый, Митя...

ДАША ЗАБОЛЕЛА

Митьку немец не тронул — ждали господ. Но легче от этого Митьке не стало. Заболела Даша. На следующий день начался у неё жар. Приехал доктор, послушал, покачал головой, сказал: застужены лёгкие.

Целыми днями Митька не находил себе места. Всё норовил пройти к Даше, но его не пускали. В окна пытался заглядывать, да окна завешены.

— Всё из-за тебя! — журила тётка Агафья. — Из-за твоей дурости.

И Митьку от этого как огнём жгло.

За три дня до Нового года приехали господа. А потом стали съезжаться гости. Собралось карет до двадцати.

А Митьке всё равно — даже и не взглянул. Доложили графу про болезнь Даши. Пришлось ставить другое представление. Вызвал оркестрант Митьку, сказал, что и ему придётся теперь на дудке играть. Два дня сыгрывались. А вечером Митька бегал к домику Даши и, пока хватало сил, всё вокруг флигелёч-

ка топтался. Выходила тётка Агафья (она теперь у Даши дежурила), гнала Митьку спать.

— Шёл бы, соколик, домой, — говорила. — Ну что ты как неприкаянный!

А потом сжалится и пустит Митьку на часок в сенцы. Сидит Митька, всё о Даше думает.

СТРАШНОЕ

Страшное случилось под самый Новый год. Шло представление. Митька сидел в последнем ряду оркестра — с дудкой ближе и не полагалось. Сидел Митька и ничего не видел, не слышал. По дороге в господский дом забежал он к тётке Агафье. Достал Митька тряпочку, развернул и вынул сахар, тот, что немец ему дал и что он берёт для матери.

— Даше это гостинец, — сказал Митька и протянул сахар тётке Агафье.

А та вдруг заплакала:

— Снова приезжал дохтур, — зашептала, — ох, худо Даше, ох, худо!

Сидит Митька, играет на дудке, а у самого одна мысль: «Даша, Даша...» Никак не может себе простить Митька, что застудил Дашу.

Играет Митька, а что кругом творится, не понимает. Подаёт оркестрант ему какие-то знаки — не видит. «Громче, громче играй!» — шепчет сосед, а он не слышит. Толкают Митьку в бок, а он словно из камня скроен. Ноет у Митьки душа: «Даша, Даша...»

Не помнил Митька, как кончился спектакль. Господа хлопали, актёры кланялись, а он тихонько вышел на улицу и побежал к Дашиному дому.

Около дома тихо и пустынно. Дверь приоткрыта. Вошёл Митька в сенцы, встретился с тёткой Агафьей. Удивился: не останавливает его тётка Агафья, не удерживает. Вошёл в комнату.

На лавке лежала Даша, тихая, спокойная. Глаза закрыты. В руках Митькин сахар зажат. Остановился Митька, замер. И вдруг видит — у Дашиного изголовья свечка. Колышется лёгкое пламя, поднимается чад. Посмотрел Митька на свечку — понял.

— А-а! — заголосил он и бросился к Даше. — Даша! — кричит. — Даша! Встань, Даша! — И льются по Митькиным щекам слёзы и падают на одеяло. — Даша, Даша!

Вернулись артисты. Входили в комнату, осторожно крестились. Стали полукругом.

— Увести бы мальчонку надо, — сказал кто-то.

— Пусть сидит, — ответила тётка Агафья. — Пусть плачет. От слёз оно легче бывает.

Потом подошла к Митьке, погладила по голове, зашептала:

— Пошёл бы ты спать, соколик! — и осторожно подталкивает его к двери.

Вышел Митька на улицу и побрёл. Где бродил Митька, никто не знает. Да и сам он не помнит. Только в конце концов пришёл к своему дому.

— Опять шлялся! — набросилась на него девка Палашка.

Потом посмотрела на лицо, осеклась: лицо у Митьки стало страшным. Испугалась Палашка, оставила Митьку в покое. Плюхнулся Митька на лежанку, уткнулся носом в рукав и снова заплакал. Вздрагивают худенькие Митькины плечики, стонет душа: «Даша, Даша...»

И в это время вдруг дед Ерошка забил в колотушку. Раз, два, три... двенадцать.

Наступил Новый год.

ПОЖАР

Среди ночи Митька вышел на улицу. Сквозь лёгкий зипун сразу пробил мороз. «Вь-и-ть», — просвистел ветер. Надвинул Митька покрепче шапку и двинулся к дому управляющего. Немец ложился спать. В окне горела свеча. Управляющий разделся, задул свечу, лёг. Митька выждал время, подошёл к двери, задвинул скобу и для надёжности привалил колодой. Потом пошёл на конный двор, взял охалку соломы и положил под дверь. Принёс вторую и положил под угол дома, со стороны окна.

Огонь вспыхнул сразу. Языки пламени лизнули крыльцо, занялся угол...

Прибежал дед Ерошка.

— Пожар! — закричал он истошным голосом.

На улице стали выбегать дворовые. Появился Фёдор. Протирала глаза, не понимая, в чём дело, заспанная Палашка. Никто и не обратил внимания на Митьку. От крика проснулся немец. Бросился к двери, забил кулаками и дико закричал. Люди не двигались с места.

Тогда вышла вперёд тётка Агафья.

— Всё же человек, — сказала она, — побойтесь бога! — и пошла к двери.

Но её опередил Фёдор.

В руках у него оказался кол. Он влетел на крыльцо, стал спиной к двери и грозно замычал. Все замерли. И только выскочила девка Палашка.

— Ирод! — завопила она. Бросаясь к Фёдору, вцепилась в его кудлатую бороду. — Ирод! — кричала. — Ирод! Убивец!

А немой лишь мычал, ещё сильнее прижимая дверь плечами и неловко отбиваясь от девки Палашки. И по озарённым окнам металась огромная тень немца.

Митька постоял, постоял, потом повернулся и пошёл к скотному двору. Там он перелез через изгородь и стал подниматься в гору, в сторону леса. На взгорье он остановился, взглянул на усадьбу. Там высоко в небе поднимались языки пламени. Потом разлетелись в стороны искры. Это рухнула крыша. И в то же время в господском доме вспыхнул свет: господа проснулись. Митька ещё раз посмотрел на усадьбу и вошёл в лес.

ГВАРДЕЙСКИЙ ПОРУЧИК

БЕГЛЫЙ

По тракту из Москвы в Петербург мчался на тройке молодой офицер. Мчался офицер по срочным делам, даже в новогоднюю ночь ехал. Верстах в трёх от почтовой станции, что возле села Чудова, ямщик вдруг осадил лошадей. Слез с козел, нагнулся.

— Что там? — крикнул офицер из санок.

— Мальчонка, никак... — ответил ямщик. — Замерз, должно быть. Морозище-то какой!

— Ну, давай его сюда, — сказал офицер и приподнял укрывавшую ноги доху.

Положили мальчонку на дно санок, в тёплое место. Отогрелся он, отошёл, шевельнулся.

Приоткрыл офицер доху.

— Ты кто? — спрашивает.

Молчит найдёныш.

— Ты кто? — повторил офицер.

— Митька я, Мышкин, — ответил мальчонка.

— Мышкин! — усмехнулся офицер. — Да как тебя сюда занесло?

— Беглый небось, — ответил за Митьку ямщик. — По всему видать, беглый.

— Н-да, — произнёс офицер. — Так что же нам с тобой делать?

— Да что делать! — ответил ямщик. — Сдадим его, ваше благородие, на станции — там разберутся.

Впереди как раз мелькнул огонёк. Санки подъезжали к селу Чудову.

Соскочил ямщик с козёл, отбросил с ног офицера доху.

— Вылазь и ты, беглый, — сказал Митьке.

Офицер пошёл на станцию, ямщик замешкался у лошадей, а Митька — раз! — и в сторону.

Вышел офицер со зрителем станции, а Митьки и след простыл.

— Тут был, — стал оправдываться ямщик. — И куда он девался? Утёк небось, как есть утёк. Шустрый такой, не зря что беглый.

— Бог с ним, ваше благородие, — сказал зритель. — Много их тут, беглых, шатается.

Двинул офицер ямщика по затылку рукой и опять ушёл в дом. Угнал и ямщик лошадей. А Митька в это время сидел за сугробом в придорожной канаве, не зная, как быть. И вдруг видит — подают новую тройку. Вышел офицер, сел в санки. Тогда Митька выпрыгнул из канавы, догнал санки и пристроился сзади на полозьях.

Резво бегут свежие кони, разлетается из-под полозьев снег, взлетают санки на ухабах — только дер-

жись! Держится Митька, слететь боится. Под дохой сидеть было тепло, а теперь холодно. Жмётся Митька, трёт ладошкой щеку, а сам чувствует — замерзает. И не стало у Митьки больше сил сидеть сзади. Покрутился, покрутился и стал пробираться по саночным распоркам к сиденью. Долез, смотрит — офицер спит.

Приподнял тогда Митька край дохи — и шмыг в санки! И сразу стало тепло, хорошо. Свернулся калачиком и заснул.

Проснулся Митька оттого, что кто-то тормозил его за плечо. Открыл сонные глаза. Смотрит — над ним стоит офицер.

— Ты как здесь?

Митька всё и рассказал. Засмеялся офицер.

— Вот я тебя сейчас властям дам! — говорит, а у самого на лице улыбка. Понравился, видать, офицеру Митька.

Чувствует Митька, что офицер про власть просто так, чтобы припугнуть, говорит.

Повёл офицер Митьку на станцию. Накормил и опять спрашивает:

— Так что же нам с тобой делать?

— Возьми с собой, барин, — произнёс Митька.

— С собой! — усмехнулся офицер. — В Питер?

— Возьми, барин! — просит Митька. — Да я тебе всё, что хошь, буду делать. На дудке играть буду!

— На дудке? — переспросил офицер. — Ну, разве что на дудке, — и опять улыбнулся.

Ночь была новогодняя. Выпил офицер чарку, потом вторую. В глазах появились весёлые огоньки.

Может, если бы не выпил офицер в эту ночь лишнюю рюмку, так бы и остался Митька на большой дороге. Да от вина человек добреет. Взял гвардейский офицер с собой Митьку в Питер.

И началась у Митьки новая жизнь. Живёт он в самом Питере на Невском проспекте, у поручика лейб-гвардии императорского полка Александра Васильевича Вяземского.

Гвардейский поручик Митьке нравился. Молод, весел поручик. Ростом высок, статен, а как наденет парадный мундир — глаз не оторвёшь. А главное, Митьку не обижает. И Митька в лепёшку готов разбиться, лишь бы угодить поручику. Кофе научился варить. Сапоги чистил так, что они за версту блестели; за табаком бегал, парик расчёсывал. Был Митька вроде как денщик.

А ещё Митька бегал на Литейный проспект, к дому генерал-аншефа Фёдора Петровича Разумовского, и там через девку Аглаю передавал для генеральской дочки от гвардейского поручика записочки и приносил ответы. Нравилось это Митьке. И дочка генеральская нравилась. Стройная, белорукая, не то что деревенские девки.

А ещё Митька любил, когда поручик про войну рассказывал. Здорово рассказывал! У Митьки даже дух захватывало.

Пробыл Вяземский на войне год. Воевал с турками, к Чёрному морю ходил, реку Рымник переплывал, на стены турецкой крепости лазил.

Слушает Митька. А самому кажется, что это вовсе не поручик Вяземский, а он, Митька, вплавь через реку Рымник перебирается, что это он лезет на стену турецкой крепости и гонит турка к Чёрному морю.

— Ну как, пойдёшь в солдаты? — спрашивает поручик.

— Пойду, — отвечает Митька.

А вечерами, бывало, собирались у поручика товарищи. В карты начинали играть. Митька и здесь в услужении: вино разливает, пустые бутылки на кухню относит. Потом поручик заставлял Митьку на дудке играть. Играет Митька — все смеются. И Митьке весело. Нравились Митьке поручиковы товарищи. Шумят, кричат, все молодые, шпорами звенят. А потом Митька двери за каждым закрывает, и каждый даёт Митьке по полкопейки. Проводит Митька гостей — поручика укладывает спать: стянет сапоги, мундир снимет, уложит Вяземского в постель и одеялом ещё прикроет.

И вот остаётся Митька один. Наденет на себя гвардейский мундир, шпоры прикрепит, шпагу нацепит. Сядет Митька за стол, нальёт рюмку вина, выпьет.

Эх, и жизнь! Нравилась эта жизнь Митьке.

ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ

Заспорили как-то поручик Вяземский с драгунским майором Дубасовым, кто важнее: офицер гвардейский или армейский.

— Гвардия есть опора царя и отечества! — кричал Вяземский. — Гвардии сам Пётр Великий положил начало.

— Опора, да не та, — отвечал Дубасов. — Гвардейские офицеры — одно только название, что гвардия. Сидите в Питере, на балы ходите. А кто за вас отечество защищает, кто кровь проливает? Мы, армейские офицеры.

Обозлился тогда Вяземский, полез в драку. Толь-

ко Дубасов был умнее — драться не стал, а бросил к ногам поручика свою перчатку: вызывал Вяземского на дуэль стреляться.

Узнал Митька о случившемся, думает: «Как так, из-за такого дела и стреляться? Мало ли на селе мужики спорят. Так ежели из-за каждого спора стреляться, скоро и живых не останется».

Достал поручик ящик с пистолетом, почистил, щёлкнул Митьку по носу и поехал за секундantom.

Лёг поручик в этот день раньше обычного. Лёг и сразу заснул.

А Митьке не спится. «Как это так? — думает. — Завтра стреляться, а он хоть бы хны».

Утром, ещё не рассвело, приехал за поручиком секундantom.

Оделся поручик, умылся, выбежал на улицу и сел в возок.

— А как же я? — остановил его Митька.

— Что ты! — говорит поручик. — Сиди дома, вари кофе. Через час буду. — Потом подумал, добавил: — А коли беда случится, поезжай, Митька, в Рязанскую губернию, разыщи поместье Василия Фёдоровича Вяземского, скажи: мол, так и так. У него и останешься. Понял?

— Понял, — ответил Митька, а самому про это и думать страшно.

И стал Митька ждать поручика. Ждёт час, второй, третий. Нет поручика. «Ну, — решил Митька, — убили».

А вечером поручик вернулся. Весел, насвистывает что-то. Бросился Митька к нему.

— Ну как? — спрашивает.

— Что — как?

— Ну, дувель эта самая...

— А, дуэль! — усмехнулся поручик. — Что дуэль...

Застрелил я его. Вот и всё, — и щёлкнул Митьку опять по носу. — Только утром это ещё было.

А у Митьки от этих слов как-то и радость прошла. «Чего стрелялись? — думает. — За что человека убили?»

НА ВОЙНУ

Не сошла поручику дуэль с рук. Про убийство майора Дубасова узнала сама императрица Екатерина Великая. Приказала она разжаловать поручика из гвардейских офицеров и направить

в действующую армию.

А в это время как раз война с турками шла. Русские осадили турецкую крепость Измаил. Под Измаил и послали Вяземского.

И стал он теперь не гвардейский офицер, а просто поручик армейский.

— Плохи наши дела, — сказал поручик Митьке. — Опять на войну. Да нам не привыкать! На войне ещё интереснее.

И Митька думает: интереснее. А всё же из Питера уезжать жаль. Да и не знает Митька, что с ним будет. Говорит поручику:

— А что со мной будет?

— Поедешь, — отвечает Вяземский, — в Рязанскую губернию.

«Во те раз!» — опешил Митька. Смотрит на поручика, чуть не плачет.

Походил, походил, а потом подошёл к Вяземскому, говорит:

— А возьми меня, барин, с собой!

— Как — с собой? — удивился поручик.

- На войну, — отвечает Митька.
- На войну?
- На войну.
- Так что ты там будешь делать?
- Турка бить буду, — говорит Митька.
- «Турка»! — расхохотался поручик. А сам подумал: «Может, и взять?»

И вот помчались поручик и Митька через всю Россию на перекладных от Балтийского до самого Чёрного моря. Менялись тройки, летели вёрсты, проносились сёла и города. Митька сидел важный: Митька на войну ехал.

ИЗМАИЛ

Непрístupной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, тянул-

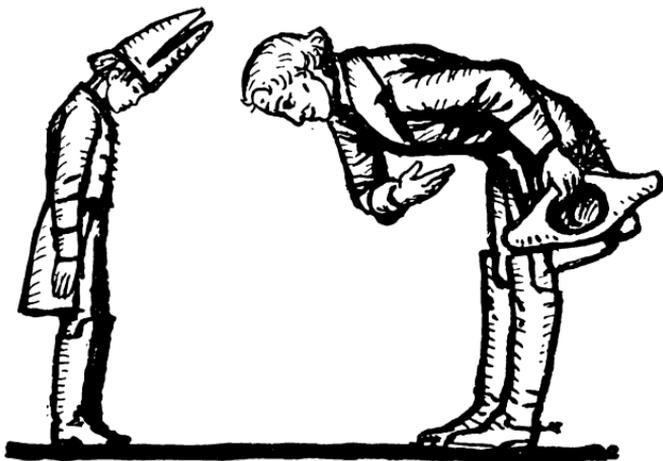
ся вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошёл слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил идёт. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом новая жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова!

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться. «Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент».

Несколько раз Митька бегал смотреть Суворова.

А как-то Суворов приметил Митьку и спрашивает:

— Что за солдат?

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка! — отчеканил Митька.

— Ай-яй! — удивился Суворов. — Солдат, говоришь?

— Так точно, ваше сиятельство! — ответил Митька. К этому времени Митька уже научился рапорт как следует отдавать.

Посмотрел Суворов на Митьку, подивился, говорит:

— Ну, раз солдат, так другое дело. Солдатам у нас почёт. — Снял Суворов свою шляпу и низко Митьке поклонился.

Только дело на этом не кончилось. Вызвал, оказывается, в тот же день Суворов поручика Вяземского и приказал Митьку домой отправить.

Загрустил Митька. Да и поручик привык к мальчику, отпускать не хочется. Тянули они с отъездом. А чтобы Суворову и генералам на глаза не попадаться, сидел Митька больше в палатке, всё выходить боялся.

Между тем русская армия подготовилась к бою. Суворов послал к турецкому генералу послов — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал ответил: «Раньше небо упадёт в Дунай, чем русские возьмут Измаил».

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм.

«ВСТАВАЙ, БАРИН!»

В ночь на 11 декабря 1790 года русские пошли на приступ. Отдёрнул Митька полог палатки, стал смотреть. Палатка как раз так стояла, что из неё крепость была видна. Только сейчас была ночь, туман, и Митька ничего не видел. Лишь слышал громыханье пушек и ровный гул солдатских голосов.

А когда наступил рассвет и Митька смог разглядеть, то русские уже прошли ров, поднялись на крепостной вал и по штурмовым лестницам лезли на стену.

Шла стрельба. Над крепостью поднимался дым. На стене, один к одному, словно воробьи на изгороди, сидели турки.

А вокруг крепости — и прямо перед собой, и слева, и справа, куда хватал глаз, — видел Митька, как двигалось, как колыхалось и плескалось со всех сторон огромное солдатское море. И казалось Митьке, что это вовсе и не солдаты и Измаил не крепость, а гудит перед ним, перекачивается и воет огромный пчелиный рой.

И вдруг внимание Митьки привлёк русский офицер. Опередив других, офицер уже был почти на самой стене. Он ловко карабкался по лестнице, взмахивал шпагой и что-то кричал. Присмотрелся Митька — и вдруг признал Вяземского.

Вот поручик пригнулся, вот снова выпрямился... Вот свалил выстрелом высунувшегося из-за стены турка.

— Ура! — закричал Митька. — Ура!

А поручик уже на стене. Ещё никого нет, а Вяземский там. Стоит, машет шпагой. Сбило с поручика шляпу, сорвало парик. Развеваются по ветру русые кудри. Отбивается поручик от турок и снова что-то кричит и кричит. И вот Вяземский уже не один, рядом с ним русские солдаты. Прыгают солдаты по ту сторону стены.

И вдруг видит Митька, как поручик хватается за бок. Роняет шпагу... Минуту держится... Потом приседает, неловко поворачивается и падает вниз.

— Барин, барин! — кричит Митька, выбегает из палатки и бросается к крепости.

Подбегает к стене, хватается за штурмовую лестницу.

— Ты куда? Смерти захотел?!

Митька не ответил. Кто-то схватил Митьку за ногу.

— Пусти, дяденька! — Митька выдернул ногу и кошкой полез вверх.

Влез, глянул вниз — и чуть не вскрикнул. Там один на одном, крест-накрест и просто так, лежали побитые солдаты: русские, турки — все вместе. А совсем рядом в узких, запутанных улицах Измаила шёл бой и неслись крики... Страшно стало Митьке; хотел повернуть назад, потом перекрестился, закрыл глаза и прыгнул внутрь крепости.

Крадётся Митька у самой стены, смотрит, не видать ли поручика. И вдруг видит: из-под убитого турка торчит знакомый сапог и шпора знакомая. Подбежал Митька, отвалил турецкого солдата, а под солдатом лежит поручик Вяземский.

— Барин, барин! — закричал Митька. — Вставай, барин!

А Вяземский лежит, не шелохнётся. Приложил Митька ухо к груди поручика — дышит. Тихо, но дышит. Обрадовался Митька и опять своё.

— Вставай, барин, вставай! — трясёт Митька поручика за плечо.

А Вяземский словно и не живой.

Взял тогда Митька поручика за ворот мундира и по земле потащил из крепости. Тяжело мальчишке — в поручике пудов до пяти, — но тащит. Плачет, но тащит. У самых ворот столкнулся Митька с Суворовым.

— Ты как здесь? — удивился Суворов.

— Да я... — начал было Митька и растерялся. Стоит, вытирает слёзы.

Посмотрел Суворов на Митьку, на раненого.

— Поручик Вяземский? — спрашивает.

Митька кивает головой.

— Тот, что крепостную стену первым взял?

Митька опять кивает.

Крикнул Суворов солдат, приказал унести героя. А Митьку подозвал к себе, отодрал за ухо и сказал:

— Беги вон, и чтобы духу твоего тут не было.

МЕДАЛЬ

Два дня и две ночи просидел Митька в санитарной палатке, у постели поручика Вяземского. На третий день поручик пришёл в себя, признал Митьку.

А ещё через день пожаловал в палатку Суворов.

Узнал Митька Суворова — спрятался. Поручик было привстал.

— Не смей! Лежать! — крикнул Суворов. Подошёл к постели Вяземского. — Герой! — сказал. — Герой! Достоин высочайшей награды. — И спрашивает: — А где твой денщик?

— Так я, ваше сиятельство, отправил его в Рязанскую губернию, — отвечает Вяземский.

— Давно?

— Давно.

— Так, — говорит Суворов. — Дельно, хорошо, когда офицер исправен. Похвально. А то ведь вралеи у нас — о-о — сколько развелось!

— Так точно, ваше сиятельство! — гаркнул поручик и думает: «Ну, пронесло!»

А Суворов вдруг как закричит:

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, живо ко мне!

Притаился Митька. Не знает, что и делать. А Суворов снова подаёт команду.

Выбежал тогда Митька:

— Слушаю, ваше сиятельство! — и отдаёт честь.

Улыбнулся Суворов.

— Дельно, — говорит — дельно! — Потом scomандовал «смирно» и произнёс: — За подвиг, подражания достойный, за спасение жизни российского офицера, жалую тебя, солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, медалью!

Подошёл Суворов к Митьке и приколот на грудь медаль.

Митька стоит, руки по швам, не знает, что и говорить.

А Суворов подсказывает:

— Говори: «Служу императрице и отечеству».

— Служу императрице и отечеству! — повторяет Митька.

— Дельно, — говорит Суворов, — дельно! Добрый из тебя солдат будет!

Потом повернулся Суворов к Вяземскому, сурово сказал:

— Думал я тебя представить к высочайшей награде, а теперь вижу: зря думал. Негоже себя ведёшь, поручик: приказа не выполняешь, командира обманываешь.

Покраснел поручик, молчит. И вдруг блеснули хитринкой глаза, и выпалил:

— Никак нет, ваше сиятельство!

— Что — никак?

— А как же я мог приказ выполнить, — говорит Вяземский, — коль дороги назад не было?

— Ай-яй! Не было? — переспросил Суворов. — Может, и вралей не было?

— Дорога солдату домой, — ответил Вяземский, — через Измаил ведёт. Нет дороги российскому солдату домой иначе!

Посмотрел Суворов на поручика, крикнул, ничего не ответил. А через несколько дней пришёл приказ

простить Вяземскому дуэль с Дубасовым и отправить назад, в Питер. Видать, понравился ответ поручика Суворову.

Простились поручик и Митька с армией. И ехали они опять через всю Россию на перекладных от самого Чёрного до Балтийского моря. И снова менялись тройки, снова летели вёрсты, снова проносились сёла и города. Митька сидел гордый и медаль щупал. Солдат с войны ехал.

— Митька, друг ты мой, никогда тебя не забуду, никому не отдам! — говорит Вяземский.

Появился вскоре у поручика новый товарищ — капитан Пикин. Взглянул Митька на капитана: глаза навывкате, нос клювом, губы поджаты, на всех смотрит косо и даже ходит не как все, а как-то боком, правое плечо вперёд.

Соберутся, как бывало, у поручика приятели. Все смеются, кричат. А капитан сядет в стороне, молчит, не улыбнётся. Начнут офицеры про политику спорить, про дела государства говорить, заведут речь о мужиках: мол, неспроста мужики волнуются, так и жди нового бунта. А капитан спорящих прервёт, скажет: «Мало с них шукуру дерут! Мало помещики порют — вот и распустились мужики! Вон Митька твой — и не поймёшь, где холоп, где барин».

Заговорят офицеры про войну, про Измаил, Суворова вспомнят. А капитан и здесь своё слово вставит: «Суворов выскочка, счастливый, в сорочке родился. Вот и везёт».

«И чего это терпит его поручик?» — думает Митька. А терпел Вяземский капитана потому, что любил Пикин играть в карты. Уж никто и не хочет, а капитан играет. На картах они и сдружились.

Как и раньше, собираются у поручика молодые офицеры, да только Митьке уже перестали казаться хорошими прежние вечера. Митька уже и на дудке играет не так охотно, и вино разносит с опаской. Боялся Митька Пикина: чуял, что беда от него пойдёт.

Так оно и случилось.

Сели как-то офицеры играть в карты. Вошли в

азарт. Играли до полуночи и все проигрались. В выигрыше был лишь один капитан Пикин. Разошлись другие по домам, а капитана поручик не отпускает.

— Играй, — говорит, — ещё!

— Как же с тобой играть, — отвечает капитан, — ты уже всё проиграл!

А поручик:

— Нет, играй. В долг, — говорит, — играть буду.

— Нет, — возражает Пикин, — в долг не играю.

Понял Митька, что дело плохим кончится, подошёл к поручику, говорит:

— Барин, спать пора.

А поручик оттолкнул Митьку и опять к капитану:

— Ставлю мундир!

Ну, и снова проиграл Вяземский. Вошёл поручик в ещё больший азарт. Смотрит по сторонам, на что бы ещё сыграть.

А Митька опять подходит, говорит:

— Барин, спать пора.

Посмотрел поручик на Митьку, блеснул в глазах огонёк, и вдруг говорит капитану:

— Вот на Митьку ставлю.

Митьку словно огнём обожгло.

А капитан снова сдаёт карты и приговаривает:

— Что ж, Митьку так Митьку. Вот он у меня узнает, кто холоп и кто барин!

Сыграли, и снова проиграл поручик.

— Митька! — закричал Пикин. — Собирай свои вещи да медаль смотри не забудь! Будешь у меня при медали сапоги чистить.

Митька не отозвался.

Встал капитан, вышел на кухню: смотрит, а Митьки не видно.

Вбежал Вяземский:

— Митька!

Никто не отзывается.

— Ми-и-тька! — снова закричал поручик.

А Митьки словно и не было.

Ушёл Митька.

Смотрит Вяземский — только дверь на улицу приоткрыта да лежит в углу забытая Митькой дудка.

ДОБРЫЙ БАРИН

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Третий день кривой Савва жил в Питере. Привёз Савва из Закопанки солёные огурцы, продавал вёдрами. — Огурцы солёные! Солёные-мочёные! Кому солёные? — надрывал он глотку.

Да только мало кто покупал. Огурцов на базаре и без того хоть пруд пруди.

На четвёртый день с самого утра Савва опять стоял около своих кадок — отмерял огурцы. А рядом с бочками лежала большая краюха хлеба. Савва по куску от неё отламывал и ел. Вдруг видит — чья-то рука тянется к краюхе хлеба. Схватил Савва руку. Обернулся — мальчишка. Посмотрел — Митька.

Признал и Митька кривого Савву — растерялся.

— Жив! Ить те жив! — вскричал Савва. — Ух, радость-то какая! А мы тебя похоронили. Ещё в тот год узнали, что ты от господ убёг. А потом сказывали: уже по весне нашли в лесу замёрзшего мальчишку. Так мы думали... Ан нет, жив-таки!

И рассказал Савва Митьке и про отца, и про мать, и про всю Закопанку.

— Жизнь-то в Закопанках совсем расстроилась, — говорил Савва. — Распродали господа мужи-

ков. Старосту Степана Грыжу — так и того продали. А родителей твоих, — говорил Савва, — сосед, князь и енерал Юсуповский, купили. Помещик-то у них добрый. А наши-то господа совсем разорились. Лесок, что по ту сторону речки, продали. Землицу, что от старой баньки шла, тоже продали. И из дворовых всего два человека осталось — девка Маланья да я. Кривой — никто не берёт. Эхма, было времечко! — закончил свой рассказ Савва. — Другие нонче пошли времена.

— А вы тут чего, дядя Савва? — спросил Митька.

— Как — чего? Я теперь на месяц кажин раз в Питер ежду. Барыня посылают. Пшено вожу, редьку, огурцы. Оно дороже выходит... Да ты о себе расскажи, о себе!

Митька рассказал.

— Ить дела! — проговорил Савва. Потом подумал, сказал: — Митька, завезу-ка я тебя до родителей. Вот уж радость будет! А там, глядишь, князёк ваш тебя и выкупит. Вот и заживёте все вместе!

Всю дорогу Митька только и думал, что об отце и матери.

Ехали по талому снегу. Бурлили ручьи. Светило солнце. И Митьке было легко и радостно.

— Дядя Савва, — спрашивал Митька, — а кот Васька жив?

— Жив, жив, — отвечал Савва. — Чего ему не жить!

— Дядя Савва, а барин, говоришь, он добрый, выкупит?

— Выкупит, — отвечал Савва. — Вот крест — выкупит!

Как и обещал, привёз Савва Митьку домой.

— Аксинья! — позвал. — Аксинья! Принимай гостя.

Выбежала Аксинья, увидела Митьку, онемела от счастья. А потом как заголосит, как заплачет! Схватила Митьку, целует...

— Ох ты мой роденький! — причитает. — Похудал... Ох ты мой ненаглядный.

Вышел Кузьма, посмотрел на сына, признал не сразу...

— Что стоишь? — крикнула Аксинья. — Чай, сын прибыл... Митя, Митенька! — и снова заголосила.

На шум выбежал кот Васька. Посмотрел на Митьку, мяукнул; подошёл, выгнул спину, задрал хвост и стал тереться о Митькины ноги.

— Признал, признал! — воскликнул Савва. — Ить ты паршивец, признал!

А Митька стоял, вытирая рукавом намокшие глаза. И не знал, плакать или смеяться.

Митька был счастлив.

БЛАЖЕННЫЙ

Князь Гаврила Захаревич Юсуповский был генералом русской армии. Под Фокшанами генерал получил тяжёлое ранение в голову, вышел в отставку и поселился в своём новгородском имении. Занялся генерал хозяйством. Усадьбу привёл в порядок, дом перестроил. Накупил дворовых, тягло-

вых мужиков прикупил. Выписал садовника из Питера и повара.

И пошло генеральское хозяйство в гору. Барин был добр. Мужиков не обижал, на пасху и рождество гостинцами баб одаривал, а в день святого Гаврилы раздавал всем по пять копеек медью и бочку браги выкатывал.

Только стали мужики вскоре замечать за бариним какие-то странности. Забываться стал временами, на себя всякое наговаривал. То возьмёт в рот кинжал, бегаёт по двору и кричит: «Турок я! Турок!» То положит на порог голову и заплачет: «Пугачёв я, Емелька, рубите мне, вору и разбойнику, буйную голову!» А ещё, когда грянет, бывало, гром, бледнел барин и начинал шептать: «Война, война, снова турка в поход идёт!»

В день приезда Митьки побежал Кузьма к князю, бросился в ноги.

— Не откажи, барин! — просит. — Уж пожалей, откупи сынка у графа Гущина!

Рассказал Кузьма генералу про Митьку.

— Вот оно как! — удивился генерал. — На войне, говоришь, был?

— Был, был! — зачастил Кузьма. — Медаль с той войны привёз.

— Ме-даль? — протянул генерал.

Приказал князь привести к нему Митьку.

— Падай, падай барину в ножки! — подталкивает Кузьма Митьку.

А Митька по-солдатски отбил шаг, подошёл к генералу и докладывает:

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин прибыл!

У Кузьмы от удивления скула отвалилась. «Ну, всё испортил», — решил.

Оказывается, нет. Взглянул генерал на Митьку, сказал: «Вольно». Потом обошёл вокруг Митьки, осмотрел со всех сторон, медаль пощупал и ответил: «Ладно. Откуплю».

Кузьма бросился целовать барскую руку. А генерал вдруг как закричит: «Не трожь, не трожь, сейчас взорвётся!» Отскочил Кузьма, стал неловко кланяться и пятиться к выходу.

— Что с ним, тять? — спросил потом Митька.

— Блаженный, — ответил Кузьма.

И вот снова живёт Митька в родительском доме. И снова помогает отцу и матери.

А вечером все соберутся в светёлке. Отец что-то стругает, мать веретено крутит. А на печи сидит кот Васька и, как прежде, смотрит на Митьку хитрым взглядом.

И всем хорошо.

И мирно трещит лучина, и от каждого вздоха, словно живое, колыхается яркое пламя.

КАРТЫ

Неделю Митька прожил спокойно, а потом вызвал его к себе барин.

— Давай, — говорит, — играть в карты. Я тебя этому искусству враз обучу.

Вначале стал генерал Митьке карты показывать.

— Это, — говорит, — двойка, это тройка, это семёрка. Так что старше, — спрашивает, — двойка или семёрка?

— Семёрка, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Молодец!

Потом стал объяснять картинки.

— Это, — говорит, — валет, это дама, это король. Кто старше?

— Король, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Ну, дело у тебя пойдёт.

Потом объяснил генерал про масть. Трефь и пика — чёрные, бубен и червь — красные.

— Трефь и пика — чёрные, — повторяет Митька, — бубен и червь — красные.

И стал генерал учить Митьку играть в «подкидного дурака». А чтобы играть было интереснее, договорились бить проигравшему по носу тремя картами.

Вначале Митька только проигрывал. Набил ему за эти дни барин нос так, что нос стал у Митьки вроде красной свёклы. И так пристрастился генерал бить картами, что игре ещё и конец не пришёл, а он уже приготовится и приговаривает:

— Вот я тебя сейчас! Будешь знать, шельмец, как со мной в карты играть!

А когда лупил, тоже приговаривал: «Так тебе и надо, так тебе и надо! Не берись играть, коль не умеешь».

Но вот наступил день, когда Митька выиграл.

— Как это так? — проговорил генерал. — Ты, шельмец, небось карты подмешал?

А Митька ничего и не подмешивал. Так оно само вышло. Ну, и пришлось генералу подставлять свой нос.

Митька бил осторожно.

Опять сыграли. Барин проиграл снова. И снова Митька бьёт по генеральскому носу. Только теперь Митька осмелел и бьёт посильнее.

И третью партию проиграл барин. На этот раз Митька ударил во всю силу.

Начал барин кипятиться. А чем больше он кипятится, тем и играет невнимательнее. И стал у генерала нос краснеть. Видит барин — дела плохи. И как Митька выиграл снова, схватил палку и Митьку по мягкому месту — раз, два! «Ты, — говорит, — шельмец, плутуешь».

И только Митька выиграет, барин за палку и бьёт. Вернулся Митька домой — весь зад в синяках. Лёг спать, думает: «Проиграл — плохо, выиграл — плохо! Пойми ты её, барскую душу!»

Решил Митька на следующий день больше у барина не выигрывать, поддаваться. Всё же по носу, решил, не так больно.

А генералу, видать, понравилось бить Митьку палкой. Решил он тоже поддаваться и за каждый выигрыш его драть.

Блаженный был генерал.

Вот сели они играть на следующий день. Митька поддаётся, и генерал поддаётся. Так они и играют в «дурака» на проигрыш. И всё Митька проигрывает. Хотел барин Митьку палкой бить, а теперь, выходит, нельзя: нужно картами по носу. А это генералу уже наскучило.

Пытается барин проиграть, а всё не получается. Разозлился тогда генерал, крикнул на Митьку:

— Пошёл вон! Не умеешь играть, а тоже лезешь! С той поры они уже в карты не играли.

«ИМПЕРАТРИЦА»

Прожил Митька ещё неделю спокойно. А потом его снова кличут к барину.

— Будешь, — говорит генерал, — за императрицу Екатерину Великую.

Удивился Митька, думает: как же это он будет за императрицу?

А барину пришла в голову блажь, что должна к нему приехать царица в гости. В это время как раз через Новгород из Петербурга в Москву царица ехала. Все вокруг только об этом и говорили. Вот и решил генерал всех удивить. Сшили Митьке женский наряд. А на следующий день прошёл по селу слух, что в гости к генералу едет сама императрица Екатерина Великая. Собрали к господскому дому мужиков и баб. Разложили на крыльце ковёр. Ждут. И вот карета въехала. Сам барин выбежал «императрицу» встречать. Мужики и бабы упали на колени. Никто и не обратил внимания, что карета господская, а на месте кучера свой же мужик, дядя Игнат, сидел.

Открыл генерал дверцу кареты, поклонился, а из кареты выходит Митька.

Ахнули мужики — ну и блажь...

А барин взял «императрицу» под руки и повёл в дом. Митька идёт, путаются ноги в юбке. Привёл

барин Митьку в зал, а там стол накрыт. Усадил генерал Митьку.

— Ваше величество, — говорит, — не откажите принять нашу убогую трапезу.

Ест Митька; барин ему вина наливает.

А после еды генерал говорит:

— Ваше величество, извольте в ваши апартаменты проследовать.

И повёл барин Митьку по комнатам в спальню. Идёт Митька, пошатывается. Смотрит, а в спальне уже кровать приготовлена.

— Приятной ночи, ваше величество! — сказал генерал и удалился.

А Митька от вина опьянел, так в царицыном наряде и залез под одеяло.

Спал в эту ночь Митька крепко. Проснулся утром, потянулся, вспомнил вчерашний день — самому смешно стало. А в это время вдруг открывается дверь, входит барин. Посмотрел барин на Митьку.

— Ты что тут, поганец, — спрашивает, — делаешь?

— Императрица я, — говорит Митька.

— Что? — заревел генерал. — «Императрица», паршивец? Вот я тебе дам «императрица»!

Понял Митька, что прошла у генерала блажь, вылез из-под одеяла — и бежать! Да запутался в юбках.

Схватил его барин и давай лупить. Бьёт и приговаривает:

— Вот я тебе покажу «императрица»! Мужик, а бабой прикидываешься! Имя монаршее позоришь!

Еле вырвался Митька.

А вечером Митьку опять позвали в господский дом. И снова он был за Екатерину Великую. Когда отвёл генерал Митьку в спальню, он ложиться не стал, а потихоньку убежал из барского дома.

На следующий день Митька ждал, что генерал его позовёт. Однако за Митькой никто не прибежал. Ни в этот день, ни на другой, ни в третий... Видать, прошла барская блажь.

«АТЬ, ДВА, ЛЕВОЙ, ПРАВОЙ!»

В третий раз генерал вспомнил про Митьку к концу лета.

— Ты на войне был? — спросил барин.

— Был, — ответил Митька.

— Медаль получил?

— Получил.

— Так приходи завтра, да по всей форме! Посмотрим, какой из тебя солдат.

Пришёл Митька, и начались с этого дня учения. Является Митька с самого утра. Генерал уже одет — в мундире, при погонах и шпаге. Ждёт. Выходят генерал и Митька во двор, начинаются учения.

— Смирно! — кричит генерал.

Митька вытянется, замрёт, руки по швам.

— Так, — говорит генерал, — верно.

Потом подаёт команду: «Направо шагом марш!» Дойдёт Митька до конца двора — генерал кричит: «Кругом!» Поворачивается Митька. И так до самого обеда ходит Митька по двору от одного угла до другого. А генерал идёт рядом: «Выше ногу, шире шаг! Ать, два, левой, правой! Ать, два, ать, два!»

А после обеда другие учения.

— Ложись! — кричит генерал.

Митька ложится.

— Встать!

Митька встаёт.

— На пузе ползи!

Митька ползёт.

И так до самого вечера.

Намучается Митька за целый день — сил нет. А с утра всё снова. Через неделю Митька все команды выучил. Тогда генерал приказал собрать деревен-

ских ребят. И теперь они с Митькой оба стали вести учения. Поначалу ребятам нравилось. С самого утра Митька их строил. Потом выходил генерал. Митька кричал «смирно» и докладывал:

— Ваша светлость, рота к учению построена.

— Вольно! — говорил генерал.

И начинались занятия.

Да только вскоре ребятам всё надоело, не все стали являться.

Заметил генерал — переключку приказал делать. А для неисправных в курятнике устроил гауптвахту. Да только ребятам на гауптвахте нравилось больше, чем животами тереть господский двор. Там и отсиживались. Тогда отменил генерал гауптвахту и высыпал непослушным розог.

А вскоре и ребят показалось генералу мало. Приказал он, чтобы собирались взрослые мужики. И вот с самого утра толпится на барском дворе человек до тридцати мужиков. Строит их барин по росту, и начинают учения.

Дело как раз летом было. На поле стоят неубранные хлеба, зерно осыпается. А мужики от одного конца до другого господский двор меряют. Научились мужики ходить, как настоящие солдаты, да только богаче от этого не стали.

Мужики — на Митьку: «Всё из-за тебя, из-за твоей медали!» Возненавидели мужики Митьку.

А тут генерал стал поговаривать, что пора и в лагерь ехать и там учинить настоящие манёвры. Разбить мужиков на две группы и устроить войну.

Видит Митька — дело плохо, не простят мужики ему этой затеи, и сказал как-то барину:

— Ваша светлость, а как же без пушек быть?

Посмотрел генерал на Митьку, сказал:

— Правильно. Отпишу-ка я письмо самому лю-

бимцу императрицы, светлейшему князю Потёмкину. Он меня помнит — пришлёт.

Написал, а ответ никак не приходит. Пока его ждали, генерал и забыл про военные учения. И опять стало спокойно.

КОНЧИЛОСЬ ДЕТСТВО

Прошёл год. Мало что изменилось за это время в жизни Митьки Мышкина, повзрослел разве что на год. Зато прежние его господа, помещики Воротынские, совсем разорились. Усадьбу продали, сами в Москву уехали. А кривого Савву и Маланью отдали за долги князю Юсуповскому. Стал теперь Савва от князя в Питер и Чудово на базар ездить.

И вот как-то захватил Савва в Чудово с собой Митьку. И здесь, в скотном ряду, повстречали они тётку Агафью.

— Митька! — закричала она. — Соколик ты мой, Митька! Да, никак, ты? — Она обхватила мальчика и крепко прижала к себе. — А мы-то...

— Знаю, тётка Агафья, — говорит Митька, — помершим считали.

— Считали, считали, соколик!

Тётка Агафья водила Митьку по базару, купила ему пряник, вздыхала и всё слезу рукавом смахивала.

— Да чего ты, тётка Агафья! — успокаивал её Митька.

— Ох, как вспомню, как вспомню!.. Так ты ничего, при родителях, значит?

— Да, тётка Агафья.

— Дашу-то помнишь?

— Помню.

— А Фёдора?

— Помню, тётка Агафья.

— Так засудили Фёдора — ушёл Фёдор на ка-
торгу.

— Как — засудили? — вырвалось у Митьки.

— Ой, не говори, соколик! Немца-то порешил не-
мой, а дом поджёт. Сам признался. А девка Палаш-
ка — типун ей на язык — потом всё на тебя наговари-
вала.

— Тётка Агафья, — вдруг сказал Митька, — не
дядя Фёдор, я немца поджёт.

— Да что ты! Да бог с тобой, соколик! — замаха-
ла руками тётка Агафья.

— Я, — повторил Митька.

Ни единого слова не обронил Митька обратной
дорогой. Сидел ястребом. За эти годы Митька почти
что и забыл про графский дом. Прошло, как сон.

И было ли это? Может, и не было...

Дотемна просидел в этот день
Митька над обрывом реки. Уставился
на воду, смотрел в одну точку. Смот-

рел — и вставала перед
ним та далёкая новогодняя
ночь. Дым, люди, языки
пламени и немец. Бегаёт
немец из угла в угол, бьёт-
ся в закрытую дверь. А на
крылечке стоит Фёдор,
большой, широкоплечий, с
глубиной в руке.

А потом Митька уви-
дел другую избу, ту, где
актёры жили. Кровать.
Свечу, что горела ровным

пламенем. Дашу. Смотрит Митька на воду, а Даша, словно живая, перед ним стоит. Стоит и улыбается, как тогда, когда они в первый день свиделись.

Сколько сидел Митька над рекой, неведомо. Только уж стало смеркаться, когда проходил берегом реки Митькин отец. Увидел сына, позвал. А тот не откликается. Подошёл Кузьма к нему, положил руку на плечо.

— Митя! — позвал снова.

А Митька ничего не слышит.

СЧАСТЛИВОГО ТЕБЕ ПУТИ, МИТЬКА!

Пообещал барин откупить Митьку, да позабыл. Вспомнил уже через год, летом. Послал генерал к графу Гушину своего управляющего, а когда тот вернулся, вызвал Митьку.

Шёл Митька к господскому дому, а у самого тяжесть какая-то на душе. И небо было серое, и полыхали где-то зарницы, и истошно петухи голосили. А у самого подъезда увидел Митька тележку — точь-в-точь как у немца Неймана была.

«Откуда такая?» — подумал.

— Э, — произнёс генерал, когда вошёл Митька, — да ты, говорят, смутьян!

Митька растерялся.

— Говорят, в графском имении дом сжёг и ихнего управляющего, немца, погубил. Было такое дело? — спрашивает генерал.

— Было, — отвечает Митька.

Генерал поднял брови, с удивлением посмотрел на Митьку, как будто бы впервые видит.

— Э, да ты на самом деле смутьян! Иди сюда! — и повёл Митьку в соседнюю комнату.

Вошёл Митька — и замер. Смотрит — стоит в комнате солдат, а рядом с ним девка Палашка.

— Он, он! — закричала Палашка. — Ирод, убиец! — бросилась она к Митьке.

Митька — в сторону. А барин его раз — и за руку: «Стой!» Рванулся Митька, а генерал опять: «Стой!» Схватил тогда Митька стул, поднял над головой, закричал:

— Уйди, барин! Уйди — не пожалею!

— Ах, злодей! — взвизгнул генерал, но остановился. А потом как закричит: — Хватай его, вяжи!

Бросились к Митьке солдат и Палашка, а он к окну, только — бемц! — звякнули стёкла. Распахнулись от удара створки. Выпрыгнул Митька на улицу, прямо во двор, как раз к самым дрожкам. И в это время грянул гром, прошумел грозным раскатом. Вздрыгнули кони, забили копытами. Митька — в возок, схватил кнут и полоснул лошадей во всю силу. Те взвились и понеслись к выходу. А ворота закрыты. И вдруг одна створка открылась. Вторую-то уже кони с размаху вынесли сами. Пролетая, увидел Митька кривого Савву.

Выбежали генерал, Палашка и солдат на дорогу, а Митька уже далеко. Только шарахаются из-под колёс замешкавшиеся куры да остался у самой дороги раздавленный гусь.

Промчались кони через село, перемахнули вброд речку, вынесли на бугор и, поднимая пыль, понеслись полем.

— Утёк! — кричала Палашка. — Ирод, снова утёк!

И опять грянул гром. Блеснула молния. Генерал вдруг побледнел, схватил солдата за руку, зашептал:

— Турка, снова турка войной идёт... — Потом как закричит: — Смирно! Из всех орудий пли!

Солдат растерялся. Схватил ружьё, стрельнул. А девка Палашка вдруг умолкла, разинула рот и не знала, куда смотреть: то ли на барина, то ли туда, где на поле, на самом бугре, всё ещё держалась пыль и кони — эхма, господские кони! — уносили злодея и ирода Митьку Мышкина.

Прощай, Митька! Счастливого тебе пути и большой удачи!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

БАРЫНЯ МАВРА ЕРМОЛАЕВНА

Родное село	3	Гуси	11
Продали	4	Валенки	13
Как жили	8		
Розги	10	Дорога	15

Глава вторая

ДАША

Граф Гушин	17	А он вовсе не страш-	
Дудка	19	ный	32
Немой	21	Как скрипел снег . . .	34
Артисты приехали . . .	23	Генеральная репети-	
Ушёл	26	ция	35
Погоня	28	Даша заболела	38
Вот ты где!	30	Страшное	39
		Пожар	41

Глава третья

ГВАРДЕЙСКИЙ ПОРУЧИК

Беглый	43	Измаил	50
В Питере	46	«Вставай, барин!» . . .	52
Человека убили	47	Медаль	55
На войну	49	Прощай, Вяземский! . .	58

Глава четвёртая

ДОБРЫЙ БАРИН

Неожиданная встреча . .	61	«Ать, два, левой, пра-	
Блаженный	63	вой!»	70
Карты	65	Кончилось детство . . .	73
«Императрица»	68	Счастливого тебе пути,	
		Митька!	75

К ЧИТАТЕЛЯМ

Вот и кончилась история Мити Мышкина. Впрочем, нет. Кончилась, конечно, только книга. Мальчик остался жить, и, видимо, в его судьбе произошли ещё какие-то события.

Напишите нам, понравилась ли вам книга, заинтересовала ли вас история крепостного мальчика и хотите ли вы узнать, что с ним произошло дальше.

Недавно у нас в издательстве был автор и рассказал нам дальнейшую историю Мити. Писатель поделился с нами планом своей новой книги.

Каков этот план? Этого мы вам не скажем. Напишите нам, как вы сами представляете дальнейшую судьбу крепостного мальчика. Ваши письма помогут писателю. А потом мы сообщим, кто из ребят прислал самые интересные ответы и кто оказался самым активным помощником в создании новой книги.

Письма присылайте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Для начальной школы

Сергей Петрович Алексеев

ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО МАЛЬЧИКА

Ответственный редактор Н. И. Максименко.
Художественный редактор М. Д. Суховцева.
Технический редактор М. А. Кутузова.

Корректоры

В. К. Мирингоф и К. П. Тягельская.

Сдано в набор 2/XII 1964 г. Подписано
к печати 10/II 1965 г. Формат 60×84^{1/8}.—
5 печ. л. — 4,57 усл. печ. л. (3,65 уч.-изд. л.).

Тираж 150 000 экз. ТП 1965 № 435.

Цена 18 коп.

Издательство „Детская литература“

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика „Детская книга“ № 1 Росглавополи-
графпрома Государственного комитета Со-
вета Министров РСФСР по печати. Москва,
Сушецкий вал, 49. Заказ № 1490.

Цена 13 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
в 1965 году в серии
«Маленькая историческая библиотека»
выходят следующие книги:

Крупская Н. К.
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Макрушенко П.
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Яхнина Е. и Алейников М.
СЕМЬДЕСЯТ ДВА ДНЯ.

Ян В.
НИКИТА И МИКИТКА

Эти книги можно приобрести в магазинах Книготорга
и потребительской кооперации.
Книги высылаются также по почте наложенным платежом
отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республи-
канских книготоргов.